

ШКІЛЬНА БІБЛІОТЕКА
УКРАЇНСЬКОЇ ТА СВІТОВОЇ ЛІТЕРАТУРИ

*Марко
Воврок*

Маруся

ІНСТИТУТКА

Харків
«Фоліо»
2017

МАРУСЯ

I

То, что я расскажу вам, деялось давным-давно на Украйне, в самой глуши, и до сих пор по свету еще не разнеслось. Старушка, которая мне рассказывала, уверяла, что будто в глуши есть немало честных великих дел, все равно как пышных цветов. И говорила старуха, — а она была очень стара, прожила немало на белом свете, много кое-чего повидала и много кое-чего поиспытала, — ничто в мире не может сравняться с этими, в тиши растущими, цветами, ни с этими, в глуши таящимися, делами. Века идут, проходят, говорила она, а всегда одинаково пышные, свежие цветы радуют взор своею прелестью, а тихие великие дела сладостно смягчают сердце человеческое.

Давным-давно на Украйне стоял хутор, а в этом хуторе жил козак Данило Чабан с женою и с детьми.

Хутор этот, где они жили, таков, что лучшего не пожелал бы себе самый прихотливый человек. Достался он Данилу, перешед через руки Бог знает скольких прадедов и прабабок, а ведь известно всякому, что где поселится украинец с украинкою, там сейчас же зацветет вишневый садик около белой хатки, заблагоухают всякие цветы, разбегутся извивчивые тропинки по степи и по роще и раздадутся мелодические песни, — так можете вы себе представить, что за сад это был, взлелеянный столькими поколениями Чабанов, каково обилие цветов, сколько избранных местечек и в степи, и в лесу, и на лугу по соседству, и что за богатство песен.

Кроме того, сам Бог счастливо поместил этот хутор между степью и лесом, рекою и лугом, горою и долиною: с одной стороны степь убегала из глаз, зеленая, безбрежная, пахучая, волнующаяся переливными волнами зелени; с другой стороны возносились горы, то убранные в деревья, в мягкую му-

раву, то каменистые и обнаженные. Прелестная долина, совсем уединенная, без следов и дорог, как-то блаженно цвела себе с третьей стороны — а с четвертой катилась река, то по лугу, вровень с мягкими берегами, отражая в своих водах одно небо с его светилами да гирлянды гибких камышей, то вдруг попадалась между двух скалистых утесов и шумела под их громадную аркою.

Боже! как хорошо бывало в летнее утро, когда солнце всходило, луг сверкал под росистыми каплями и выпаривали птицы, притаившиеся в камышах, и легкая пелена тумана качалась над рекою! Боже! как сладки бывали в безмятежной долине, при первых лучах солнца, первые утренние благоухания трав и цветов! А освеженные ночью тишиною горы, позлащенные утренним светом и блеском! А тихо шелестящие леса! А степь безграничная, вся в тенях и разливах света!

Это утро, — а день какой! День, когда все в природе проснулось, живет в полном разгаре света, жизни и деятельности! Как шумели тогда свежие леса и как сияла безмятежная долина! Как нежила роскошная степь, и что творил с человеческою душою ропот глубокой реки, соединенный с трепетом звонких камышей!

А вечер? Тихий, розовый вечер, обнимающий землю темнотою и прохладой! А выступающие звезды и всходящий месяц — полоса лунного света по темной степи, — часть лесной опушки, посребренная сиянием, — чашечки ночных цветов в долине, мягко освещенные лунным лучом, — сверкающие из речной глубины и струящиеся в текущих струях звезды, одна гора, вся помраченная, другая вся посветлевшая, и ясный огонек в хатке, потонувшей в середине цветущего сада!

И кроме этого благодатного соседства мягкого луга с глубоководною рекою, величавых гор и цветущей долины, шумящего леса и волнующейся степи, было еще доброе соседство хороших людей козацкого рода.

Каждый праздник уж непременно или сами Чабаны выбирались в гости, или надо было им приглядываться и узнавать, кто это подвигается по степовой дороге к хатке: Семен ли Ворошило или Андрий Крук; или надо было выходить навстречу, заслышав по долине звонкий говор веселой и миловидной девушки Ганны, появляющейся впереди других девушек и молодых, в исполинском яр-

ком, только что по дороге сплетенном, венке на головке; или надо было ждать на берегу, пока приближалась утлая лодочка Ивана Грима.

Да что проку перечислять всех друзей и приятелей, и к чему рассказывать все их увеселения и забавы, приятные встречи, дорогие свиданья, ласковые расставанья? Вчуже самая милая забава может показаться самой скучною, самая большая радость непонятною — это известно, и известно тоже, что иногда никакие заманчивые игры и ликованья не сравнятся с тихою беседою добрых знакомых людей, и никакие краснобайчивые речи не заменят молчаливого сообщества надежного, верного друга. Мне кажется, лучше всего будет просто сказать, что на хуторе житье было очень хорошее, такое хорошее, что никому и в голову не приходило его в чем-нибудь изменить, ни у кого не являлось желания чем-нибудь его украсить.

Но жизнь человеческая, как говорится, не прямоезжая ровная, гладкая дорога. Ох, сколько рытвин, пропастей и всяких напастей!

И вот по Украине стали носиться недобрые слухи, а что еще и того хуже, стали твориться недобрые дела. Чем цветок душистее и свежее, тем быстрее протягиваются руки к цветку, и «за его прелесть срывают его», — хороша была Украина, и вот татары и прочие разные враги льнули к ней и раздирали ее, соперничая друг с дружкой в обмане, ненасытности и предательстве.

Много было кровавых, грозных сеч, трудных переворотов, печальных и ужасных событий, — о них долго бы рассказывать.

При Богдане Хмельницком, — я надеюсь, что вы все слышали и знаете немножко, что за гетман был Богдан Хмельницкий? — при Богдане Хмельницком Украина как будто приотдохнула, но после его смерти такие смуты опять наступили, такие беды, что, говорят, тогда самые грозные глаза плакали и самые мудрые головы кружились.

Народ украинский разделился на партии: кто стоял за великороссов, кто за поляков, кто за дружбу с татарами. Как всегда почти, к сожалению, бывает, к общим делам примешались частные делишки, возникли ссоры, распри и в конце концов вышло по пословице: запрягли-то и прямо, да поехали криво.

II

Раз ввечеру собрались гости у Данилы Чабана. Вечер был тихий, темный, гости были задумчивы и смиренны, хозяйева не хлопотливы и не веселы. Больше менялись взглядами, чем словами. Всех, кажется, занимали одни и те же мысли, всех тяготили одни и те же заботы. Изредка обращались к Андрию Круку с вопросами о городе Чигирине, и если речь велась, то велась она все о том же городе Чигирине.

Видно было, что Андрий Крук хорошо знал этот город: он отвечал без запинки и точно рисовал своим рассказом и стены Чигиринские, и улицы, и крепостные валы.

Женщины тоскливо прислушивались к мужским разговорам, а когда разговоры эти умолкали и клубы дыма начинали обвивать усатые лица, они тихо перешептывались. В их шепоте все слышалось о разных битвах, о спаленных городах, о разоренных селах, о павших в сече людях. Беспреданно женские лица бледнели, беспреданно слезы сверкали на глазах.

Одна старуха сидела, точно изваянная, неподвижно, изредка только, когда все умолкали, она, как бы очнувшись, говорила:

— Мои оба пошли. Я сама снаряжала!

— Твой тоже ушел? — тихо спросила одна молодая девушка, судя по бледности лица и лихорадочному оживлению, сама недавно проводившая «своего», у подруги.

— Ушел. Вчера ввечеру мы...

Она хотела что-то рассказать, но губы у нее задрожали и помертвели — она ничего не рассказала, и подруга ее больше не спрашивала.

Дети не возились, не резвились, а ютились где-нибудь в уголку и, с омраченными личиками, тоже думали свои думы, или, усевшись около стариков, настораживали ушки и, казалось, ловили все взгляды и запоминали все слова.

Одна только крошечная гостья, с белокурою головкою, с огромнейшими блестящими глазами и с яркими губками, была совершенно предана своему делу: от усердия и заботы она даже высунула остренький язычок и, сбочив головку, вязала какие-то снопики из травы.

Все больше вечерело и в хате все больше утихало. Уже крошечная гостья, выпустив из рученок снопики, сама

снопиком лежала около ног матери, объятая крепким сном, завесившись спустившимися прядями светлых кудрей.

Было темно на дворе, и стало очень тихо в хате.

Вдруг постучались в хатное окошечко...

До того это было неожиданно, что сначала никто не поверил своим ушам. Но стук повторился опять и опять, и повторился очень отчетливо, ясно, громко.

Хозяин поднялся с своего места и пошел отворять двери; его гости и приятели раскурили с прежнею невозмутимостью трубки; женщины заволновались, дети встрепенулись.

Данило приотворил двери и спросил, кто стучится. Ему ответил такой голос, от раскату которого запело хатное окошечко, что прохожий-де человек, усталый странник, просит позволения отдохнуть у ласкового хозяина.

Данило на это ответил: «Милости просим!» и, распахнув двери настежь, пригласил странника войти.

В распахнутые двери ворвалась струя пахучего вечернего воздуха и на мгновение сверкнуло несколько слабосияющих звезд, потом двери заслонила собою исполинская человеческая фигура, во всех углах отдалось и прогудело: «Помогай Боже», и, низко наклонив голову, боком пронесши могучие плечи, вошел в хату странник.

Будь в хате люди с более шатким, с менее невозмутимым нравом, они наверно бы потерялись и не знали бы, как принять этого странника. Хотя на Украине не в диво могучая и блистательная козацкая красота, не скоро бы, однако же, нашелся ровня вошедшему к Даниле Чабану страннику. Этот высоченный рост при удивительной стройности и змеиной гибкости, это загорелое суровое лицо с огненными очами, чуткость и вниманье ко всему, и, вместе с тем, свободное, невозмутимое спокойствие хоть кого заставили бы вздрогнуть.

Но в хате у Данилы собрались все люди неподатливые на переполохи, и потому усталый странник был принят, как подобает усталому страннику: его приветливо просили садиться и радушно угостили чем Бог послал.

Странник отличался и простотою, и скромностью, и добротинием, и благоприличием. Как человек перехожий и никому здесь не известный, он себя вовсе и не выдвигал на вид и напоказ, а также не впивался он любопытными взглядами во все уголки хозяйской хаты, не выводывал хитрыми, не выпытывал ветренными вопросами о жите-

быть хозяйском, — вовсе нет. Ничуть. Странник, если вел речи, то все вел речи общие, всех тогда занимавшие и волновавшие: о неприятельском хищничестве, о разорении и опустошении Украины, о виденных им по пути грабежах и буйствах; спросил хозяина, мирно ли пока у них и безопасны ли окружные дороги.

Хозяин и хозяйские гости, с своей стороны, показали себя примерно: глядя на такого странника, верно, им приходили в голову вопросы, от которых до смерти чесался язык: откуда он, странник, явился и куда путь держит? Сколько он перешагнул гор и долин, пока утомил свои мощные члены? По обету ли странствует он, по нужде или по прихоти? Где он родился и крестился, что говорит о неверном турке, как о не раз ловленном звере, о поляках, как о не раз испытанных панах, о москалях, как о не раз изведанных боярах? Знает он, кажись, немножечко и Сечь Запорожскую, повидал и всю Украину из конца в конец.

Но никто не побеспокоил странника, а себя не унижил ни лукавым, ни прямым вопросом. Разговаривая, только глядели на него, на его сельскую одежду, да соображали про себя, где та мирная нива, возделанная его руками, на которой он приобрел себе шрамище через всю щеку, от горбатого носа до чуткого уха.

Однако чем дальше шла беседа, тем странник становился разговорчивее; вероятно, ободренный общим вниманием и безмолвным участием, он принялся описывать с такую живостью и яркостью недавние битвы, что все притаивали дыханье, точно присутствовали сами зрителями при настоящих сечах. На вид невозмутимые козаки воспламенились; женщины вскрикивали и плакали; дети, потеряв всепобеждающий сон, с полуотверстыми ротиками, с широко раскрывшимися глазами, не шевелились на своих местах, словно зачарованные.

Вдруг резко раздалась два пистолетные выстрела один за другим. Все в хате смолкло и наострило слух. Выстрелы прокатились откуда-то из степной дали, и прежняя безмятежная тишина наступила. Молчание длилось, но больше ни единого звука не донеслось, кроме веянья душистого воздуха в цветущих ветвях сада, обступавшего со всех сторон хату.

— И до вашего хутора долетает голосок! — проговорил странник.